

Анна Савина

«Полюбить чудовище»: Д.С. Мережковский о Жане Кальвине и «деле Сервета»

Среди профессиональных историков встречается весьма скептическое отношение к художественной литературе как историческому источнику. Однако в контексте проблематики исторической памяти нельзя недооценивать роль художественных произведений как важнейшего инструмента формирования стереотипных образов исторических личностей, событий, процессов. Наибольшее влияние на восприятие прошлого оказывает историческая беллетристика, благодаря которой факты получают «жизненную силу и правдоподобие», «обретают плоть и кровь»¹.

Именно в этом смысле нам интересен очерк Д.С. Мережковского «Кальвин», написанный в Италии в 1937–1938 гг. как часть трилогии «Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль». Публикация очерка состоялась, после смерти писателя, в 1942 г. на французском языке. На русском языке издание увидело свет в Брюсселе только в 1990 г.², благодаря американскому литературоведу эстонского происхождения, исследователю творчества Мережковского и З.Н. Гиппиус Темире Пахмусс³.

Каким образом представлены в очерке французский реформатор XVI в. Жан Кальвин и его «идеологический противник» Мигель Сервет, как «решен» их конфликт, почему Мережковский обратился к этим историческим фигурам и событиям? Эти вопросы находятся в центре внимания данной статьи. Мы не ставили перед собой целью выявить соответствие или несоответствие авторской интерпретации историческим реалиям – для нас был важен авторский замысел как таковой. Важнейшей задачей является определение характерной для Мережковского трактовки исторических фигур и событий, а также места этой трактовки в обширной «галерее» образов Кальвина и «дела Сервета», созданных современниками и потомками реформатора с XVI по XX в.

«Делу Сервета» уделено немалое внимание в очерке. Фабула хорошо известна, хотя имеет определенные лакуны и до сих пор вызывает дискуссии⁴. Испанский врач Мигель Сервет, родившийся в 1509 (либо в 1511) г., был автором ряда теологических трактатов, наибольшую известность из которых получил трактат «Восстановление христианства» (1553). Взгляды Сервета включали в себя отрицание триединства Бога, сомнение в божественной природе Христа, а также анабаптистские идеи. Неудивительно, что вышеназванное сочинение Сервета (опубликованное, впрочем, без указания авторства) вызвало негативную реакцию и среди католиков, и среди протестантов. Личность Сервета как автора трактата была раскрыта католической инквизицией во Франции, где он жил. Будучи приговоренным к смерти за распространение идей антиринитаризма, Сервет бежал в Италию, по пути оказавшись в Женеве, где с 1536 г. жил и работал Жан Кальвин (1509–1564) – французский реформатор церкви, автор знаменитого «Наставления в христианской вере», систематизатор протестантского вероучения.

Известно, что Сервет и Кальвин были заочно знакомы и состояли в переписке, однако из-за критических замечаний испанца в адрес своих сочинений реформатор прекратил всяческое общение с ним. Что именно заставило Сервета приехать в Женеву, как отмечал современник Мережковского, самый авторитетный специалист по «делу Сервета» в XX в. американский

¹ Мазур, Людмила. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета, сер. 2. Гуманитарные науки, 2013, № 3 (117), с. 243-256; с. 248.

² Мережковский, Дмитрий. Кальвин // Он же. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. Ред. Темира Пахмусс. Брюссель: «Жизнь с Богом»; «La Presse Libre», 1990, с. 1-100. Далее этот очерк цитируется по данному изданию с указанием в тексте номера страницы в скобках.

³ Пахмусс, Темира. Предисловие // Мережковский, Дмитрий. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. Ред. Темира Пахмусс. Брюссель: «Жизнь с Богом»; «La Presse Libre», 1990, с. I–V.

⁴ См. подробнее: Савина, Анна. Некоторые аспекты репрезентации «Дела Сервета» в исторической памяти // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки, 2016, № 2 (2), с. 11-15.

историк Ролэнд Бэйнтон, неясно⁵. 13 августа 1553 г. на проповеди в женевской церкви Сервет был опознан и арестован, затем последовал суд женевского магистрата и приговор к смертной казни через сожжение на костре, которое состоялось 27 октября 1553 г.

Увековечивание памяти о, казалось бы, рядовом случае из истории полыхавшего кострами XVI в., началось с самого Кальвина, который написал в 1554 г. трактат «Защита веры в Святую Троицу от чудовищных заблуждений испанца М. Сервета», где обосновывал обязанность государства мечом наказывать еретиков. В ответ французский протестантский проповедник Себастьян Кастеллион (1513–1563) под псевдонимом Мартин Беллий опубликовал трактат «Трактат о еретиках, а именно – следует ли их преследовать и как следует обращаться с ними, согласно суждению, мнению и высказыванию многих авторов, как древних, так и современных», где заявил, что казнь Сервета – это убийство, как любая казнь за расхождение во взглядах. В защиту Кальвина выступил его соратник и впоследствии преемник в Женеве Теодор де Без (1519–1605) с трактатом «О власти магистрата в наказании еретиков» (1554). Эта развернувшаяся непосредственно после казни Сервета полемика по вопросам свободы совести и защиты веры послужила, вероятно, главной причиной того, что смерть «еретика» вызвала резонанс у потомков.

Причиной интереса Мережковского к этому сюжету и к Реформации вообще стало его стремление вернуть из небытия образы «деятельной практической христианской религиозности», поскольку это «единственное, что может противостоять надвигающемуся одичанию цивилизованного мира»⁶. Ситуация в Европе конца 1930-х гг., приближающаяся война делали актуальным обращение к прошлому христианства. Духовные поиски религиозных деятелей от апостола Павла до Кальвина в глазах Мережковского были «путевыми вехами, обозначающими шествие Духа в веках и народах, от Иисуса к нам» (с. 97). История Кальвина, по мысли Мережковского, важна для всех, кому все еще дорога европейская цивилизация: перед лицом неизбежной «второй Великой войны» приходит понимание, что христианство «не так безнадежно кончено, как это казалось <...> отцам и дедам; что оно уже кое-что сделало и, вероятно, могло бы еще кое-что сделать для заблудившегося человечества» (с. 21).

Очерк Мережковского состоит из трех частей, озаглавленных «Кальвин и Лютер», «Жизнь Кальвина» и «Что сделал Кальвин?». В первой части Мережковский проводит весьма интересное сравнение родоначальника протестантизма Мартина Лютера и продолжателя его дела Жана Кальвина. «Каин и Авель Реформации» – так Мережковский назвал Лютера и Кальвина. Как братья-близнецы, они противоположны и взаимно диаметрально, они враждуют и в то же время навеки «срослись». Кальвин пришел после Лютера на «все готовое», но зато создал «видимую церковь», «усмирил» буйство Лютера, освободил Реформацию от «духа германской народности», коим она была пропитана у первого реформатора (с. 3-5).

Вторая часть очерка посвящена жизни Кальвина, которая может быть понята только через «религиозно-внутреннее видение», через призму собственного религиозного опыта (с. 22-23). Мережковский дал достаточно полное жизнеописание Кальвина с самого начала жизни, с условий формирования личности: детство без матери, «уход» в учебу, страсть к знанию, кличка «аккузатив», которой соученики «наградили» строгого и усердного Жана...

Особое внимание писатель уделил поведению своего героя на смертном одре, и это касается не только Кальвина, но и других героев очерков Мережковского, ведь смерть – «дело жизни для христианина последнее и величайшее», и о том, как «религиозно-действенно» жил человек, узнается по тому, как он умирает⁷. Истоцивший себя непрестанным интеллектуальным трудом, заботами по устройству женевской жизни, организацией внешних связей Женевы с протестантами

⁵ Bainton, Roland. The Present State of Servetus Studies // The Journal of Modern History, 1932, vol. 4, № 1, p. 72-92; p. 80. В вопросе мотивов Сервета для приезда в Женеву до сих пор ясности не прибавилось, поэтому считаем возможным ссылаться на работу современника Мережковского.

⁶ Зобнин, Юрий. Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния. Москва: Молодая гвардия, 2008, с. 131.

⁷ Мережковский, Дмитрий. Лютер // Он же. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. Ред. Темира Пахмусс. Брюссель: «Жизнь с Богом»; «La Presse Libre», 1990, с. 118.

по всей Европе, Кальвин был к концу жизни уже очень больным человеком, однако до самой смерти не прекращал работу, чем Мережковский не мог не восхищаться.

Несмотря на подробное жизнеописание, образу Кальвина в произведении Мережковского не достаёт определенной цельности, законченности: перед нами скорее наброски портрета, черты которого почерпнуты из источников (первая биография Кальвина пера Т. де Беза, письма Кальвина, исторические труды Э. Думерга, П. Генри, Э. Штэгеллина, М. Одена и др.). Кажется, что Кальвин остался для Мережковского загадкой. З.Н. Гиппиус в одном из писем 1938 г. писала, что Мережковскому «трудно его полюбить, потому что Кальвин настоящее „чудовище“, „нежное чудовище“»⁸. Отметим, что «чудовищем» назвал Кальвина Сервет, но Гиппиус точно уловила парадоксальное отношение Мережковского к герою очерка: «нежное чудовище».

Мережковский не скрывал негативного отношения к Кальвину, мало того, он считал его «одним из величайших „демонических“» явлений всемирной истории», Левиафаном, средоточием первозданных сил зла и добра (с. 20-22). Однако писатель неоднократно повторял: нельзя судить, оценивать, рассматривать реформатора только с одной стороны, надо отмечать и обратную сторону «медали». «Теологический ум» Кальвина превосходит (по мнению писателя, сравнить его можно только с Фомой Аквинским), трудолюбие непревзойденное. Реформатор, по словам Мережковского, был одним из самых мужественных людей в мире (с. 83), ему были присущи «нежное сердце» (с. 48) и явный «дар дружбы» (с. 28).

Однако, с другой стороны, для Кальвина характерны безжалостность и твердость: он самого себя не жалел, а значит, не будет жалеть и других, если всем пожертвовал сам, то захочет, чтобы и другие жертвовали всем (с. 53). Кальвин, как и Августин Блаженный, по мнению Мережковского, принадлежал к разряду «умственников», вроде современных автору «интеллигентов», в том смысле, что верил в безграничную силу ума и господство «мертвого» и «металлического» над «живым» и «растительным».

Вероятно, писатель так и не смог «полюбить чудовище» – неслучайно он «выводит» его из-под человеческого суда: «не люди будут судить его, а Тот, Кто создал его таким, каков он есть» (с. 20). Что перевесит в последнем Божьем суде над Кальвином – зло или добро, для Мережковского вопрос открытый (с. 82-83).

Мережковскому претила ключевая кальвинистская идея – идея абсолютного предопределения, то есть идея об изначальной безусловной предопределенности каждого человека к вечному спасению или вечной гибели вне зависимости от его земной жизни. По словам Мережковского, эта «чудовищная мысль» (учение о предопределении) отрицает свободу – величайший из всех даров Божьих людям и истинную «славу Божию» (с. 17).

Из идеи предопределения и отрицания свободы, по мысли писателя, происходила женевская теократия, режим совмещения церковной и политической власти при Кальвине. Нужно отметить, что теократию Мережковский считал «самым основным и глубочайшим религиозным опытом христианства», называл «плодом белого цветка римской церкви»⁹. Однако под теократией он понимал царство Божье, а не женевское «получерковье, полугосударство» (с. 10). Смещение светской и духовной власти при всесии «инквизиции» – это «теократия» не от Бога, а от Сатаны¹⁰.

По мысли Мережковского, Кальвин обманом лишил женевцев свободы: «вольны люди идут под ярмо», потому что верят в царство Божие, а попадают в застенки (с. 57). «Страшной ценой свободы» покупается порядок (с. 6), и это отдаляет Кальвина от Лютера и изначальных идей Реформации и сближает с И. Лойолой, с католической церковью и инквизицией.

Насилие, по мнению Мережковского, было неотделимо от самой идеи женевской теократии и исходило от самого Кальвина: «...Насилье принято им, как вечная правда Божия, как святость, не антиномично и трагично, а благополучно и безболезненно, как должное, и так, как будто вовсе не

⁸ Пахмусс, Темира. Предисловие, с. II.

⁹ Мережковский, Дмитрий. Две Реформы // Вестник Русского христианского движения, 1984, № 143, с. 68-70.

¹⁰ Там же, с. 71.

было Голгофы – величайшего насилия, совершенного людьми над Сыном Божиим» (с. 10). Однако на крови воздвигнуть царство Божье нельзя – эта мечта Кальвина никогда не осуществится.

Мигель Сервет – самая знаменитая жертва режима «женевского папы» – изображен Мережковским с изрядной долей идеализации: испанец характеризуется как великий теолог и великий естествоиспытатель, первооткрыватель легочного кровообращения (заблуждение, распространенное и ныне¹¹). Писатель также отмечает авантюристичность, детскость, безответственность Сервета, сделавшие талантливую испанца неудавшимся гением. Сильный эмоциональный отклик читателя вызывает сцена казни Сервета. Однако автор считал, что сочувствия более достоин обвинитель, чем жертва. «Бедный Сервет?» – восклицает Мережковский. Нет, бедный Кальвин, ибо он не испытывает угрызений совести, для него все ясно и точно, словно в математике (с. 70)!

Что касается причин конфликта, то Мережковский, несмотря на обстоятельный рассказ о политической оппозиции Кальвину в Женеве и возможной связи с ней Сервета, не считал политические вопросы или теологические противоречия ключевыми аспектами непримиримости. У Мережковского Кальвин и Сервет – это «метафизические» противоположности: Сервет – бесконечная воспламеняемость, Кальвин – бесконечная огнеупорность (с. 64-66). Настоящий водораздел Мережковский видел в отношении обоих к Апокалипсису – Сервет устремлен к нему, к Страшному суду, спасению и Царству Божьему на земле, Кальвин тяготеет к Ветхому Завету, как будто мир вечен и Спаситель никогда не придет. Сервет устремлен в будущее, Кальвин – в прошлое. «Будет» и «было» – ключевые слова для еретика и реформатора.

Интересно, что, по мнению Мережковского, именно Сервет – истинный реформатор, а не Кальвин или Лютер. Эту мысль Мережковский высказал в статье «Две Реформы», написанной в 1939 г.: Сервет осознал, что ни у католиков, ни у протестантов нет полной истины, и каждая церковь имеет часть правды, тем самым испанский теолог предвосхищал идею объединения церквей¹². Идею, которой грезил Мережковский, близкий к экуменизму. Однако, несмотря на такую оценку Сервета, не ему, а Кальвину посвятил свой очерк Мережковский, для которого очевидно, что фигура Кальвина гораздо более значима в истории христианства.

Размышляя о значении «дела Сервета» и значимости Кальвина для будущего, Мережковский отмечал, что казнь Сервета – самое страшное из всех совершенных Кальвином «деяний веры»: она показала весь ужас насилия в делах веры. «Светом истины рассеивается мрак заблуждений, а не светом костров» – эта мысль С. Кастеллиона, по словам Мережковского, станет «огненной» после костра Сервета (с. 10). Однако, несмотря на то, что еретиков в XX в. уже не сжигают, это не значит, что люди стали милосерднее – просто причины и цели жестокости изменились (с. 73-75). По мысли Мережковского, реформаторы несут долю ответственности за насилие в Европе. Началось все с Крестьянской войны в Германии, подстегнутой идеями Лютера, – так революция стала «кровавым половодьем Реформации»¹³. С Кальвином Мережковский связывает Французскую революцию конца XVIII в. («нож гильотины выкован на костре Сервета»), ибо из Кальвина «вырос» просветитель Ж.-Ж. Руссо, а из Руссо – запустивший машину революционного террора М. Робеспьер (с. 10).

Кроме того, Кальвин, по Мережковскому, – кузнец всей европейской демократии (с. 11). Последняя именуется «плодом красного цветка реформы и революции», имеющим корни в женевской теократии¹⁴. По словам Мережковского, если бы не было Кальвина, не было бы Робинзона Крузо – европейского цивилизованного человека с заступом и книгой, который завоевывает мир, утверждая порядки, не более гуманные, чем в кальвиновской Женеве (с. 57).

¹¹ См. об этом: Бергер, Елена. Мигель Сервет как персонаж испанской научной мифологии // Испанские темы и формы: искусство, культура и общество / *Temas y formas hispanicas: arte, cultura y sociedad*: сборник тезисов научной конференции, 26-28 ноября 2013 г. / Las Tesis. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2013, с. 22-24.

¹² Мережковский, Дмитрий. Две Реформы, с. 85.

¹³ Мережковский, Дмитрий. Лютер, с. 97.

¹⁴ Мережковский, Дмитрий. Две Реформы, с. 70-71.

Что касается значения Кальвина для христианской церкви, то он, по Мережковскому, загубил дело Реформации – Лютер «открыл форточку», а Кальвин «выломал окно», приведя к обеднению человеческого духа, к религиозной пустоте современного мира (с. 95). Последователи Кальвина (начиная с Т. де Беза) вытеснили из христианства божественный «экстаз», движущий душами народов, оставив «сатанинский», личный, эгоистичный, проявляющийся в увлечении пагубными идеями и привычками: от наркотиков до коммунизма. Благодаря Лютеру и Кальвину, христианство пришло к глубочайшему расколу, а современный мир «вышел» из церкви и оказался тем самым на краю гибели¹⁵.

Однако памятуя о двух сторонах «медали», Мережковский отмечает и положительную роль Кальвина, который дал католической церкви толчок к внутренней реформе и развитию, расчистил вместе с Лютером «авгиевы конюшни римской церкви». Церковь, как «живое тело Христа», постоянно обновляется, поэтому всякая реформа – есть жизнь¹⁶.

В годы эмиграции Мережковский пришел к переживанию современной ему эпохи как времени неминуемо приближающегося конца, за которым последует установление Царства Третьего Завета: произойдет соединение первого царства Отчего и второго Сыновнего в Третьем царстве Духа Святого. Быть или не быть христианству? По словам Мережковского, это вопрос не о выживании каждой из церквей, а вопрос о единой церкви (с. 97). Только царство Божье сможет победить ненавистное для Мережковского «тоталитарное» государство, которое ведет к «тоталитарной войне» и гибели Личности¹⁷.

Во время работы Мережковского над очерками трилогии «Реформаторы» в Эдинбурге проходила всемирная конференция «Вера и церковное устройство» (1937), которая послужила важным этапом развития экуменизма. Мережковский упоминает об этом событии как о самом серьезном приближении к единой вселенской церкви за четыре столетия после Лютера, в то же время сокрушаясь о неучастии Ватикана в этом событии¹⁸. Ведь, по мысли Мережковского, именно римская католическая церковь должна стать основой для новой Реформации, которая объединит три христианские церкви с целью противостояния государственному тоталитаризму, подавлению свободы и господству безличности (с. 94). Ни протестантская, ни католическая (внутренняя) реформации не удалась, поскольку они состояли не в объединении, а в разделении церквей¹⁹. Однако процесс не завершен: в XX в. решается судьба и церкви, и Реформации, и демократии, завершается то, что было начато, в том числе Кальвином в XVI в.²⁰. Так что погубил или спас христианство Кальвин, возможно, станет, понятно поколению эпохи «второй Великой войны» (с. 21).

Таким образом, обращение Мережковского к событиям периода Реформации было связано с его ожиданиями возобновления этого процесса в XX в., в условиях надвигающейся войны и необходимости возвращения человечества в лоно церкви. Изложенные Мережковским история Кальвина и «дело Сервета» несут в себе определенный поучительный посыл, показывая современникам писателя не то, как нужно, а скорее то, как НЕ нужно действовать. Для Мережковского обращение к данному сюжету XVI в. стало еще одним «кирпичиком» в фундаменте экуменических убеждений: история реформатора подана в контексте необходимости возрождения христианства и построения истинного царства Божьего.

Вклад Мережковского в формирование стереотипного образа Кальвина у массового читателя не так очевиден, как, например, в случае с австрийским писателем С. Цвейгом и его произведением «Совесть против насилия: Кастеллион против Кальвина» (1936)²¹, которое имело большой

¹⁵ Там же, с. 78-81.

¹⁶ Там же, с. 69-71.

¹⁷ Там же, с. 78-79.

¹⁸ Мережковский, Дмитрий. Лютер, с. 21-23.

¹⁹ Мережковский, Дмитрий. Две Реформы, с. 85.

²⁰ Там же, с. 69-70.

²¹ См. подробнее: Савина, Анна. Реформатор vs еретик: конфликт Ж. Кальвина и М. Сервета в литературном прочтении (по произведениям С. Цвейга и Д.С. Мережковского) // Чтения к 80-летию со дня рождения д.и.н., проф. Ю.К. Некрасова

резонанс сразу после публикации²² и послужило закреплению у широкой читательской аудитории определенного «имиджа» реформатора²³. Вышедший в разгар Второй мировой войны, очерк Мережковского не получил известности ни в Европе, ни на родине, где творческое наследие писателя-эмигранта с антибольшевистской позицией было надолго предано забвению. Кроме того, восприятие массовой аудиторией собственно исторического контекста очерка Мережковского в определенной степени затруднено в связи с ярко выраженной религиозной концепцией автора, положенной в основу произведения и затмевающей саму его фабулу и образы.

С другой стороны, следует отметить, что Мережковскому удалось избежать «очернения» или «обеления» Кальвина, характерных для биографов реформатора и писателей, начиная с XVI в., когда идейные противники преимущественно «обличали» (начиная с Ж. Бользека²⁴), а соратники (прежде всего, протестанты) идеализировали реформатора (например, Т. де Без). Оригинальное прочтение роли Кальвина в истории и отсутствие одномерности в оценках позволило Мережковскому нарисовать неоднозначный образ реформатора и транслировать читателю право самому решать (с позиций современного ему общества), добро или зло олицетворял собой Кальвин.

Anna Savina, “To start loving a monster”: D.S. Merezhkovsky about Jean Calvin and the “case of Servet”

The article is devoted to the literary interpretation of events in Calvin’s Geneva in 1553, known as the “case of Servet”. The article spotlights the representation of the conflict between J. Calvin and M. Servet, as proposed in the essay of D.S. Merezhkovsky. The focus of this study is a reflection of the religious concept of Merezhkovsky in his interpretation of historical events and the contribution of Merezhkovsky to the historical memory of Calvinism. Merezhkovsky painted a very ambiguous image of Calvin: he is both a monster and a miracle, the demon and savior of the Catholic Church. The writer interpreted the history of Calvin and Servet in the context of his ecumenical views, as a lesson for reviving Christianity.

Keywords: D.S. Merezhkovsky; J. Calvin; M. Servet; intolerance; commemoration; historical memory.

(1935-2006): материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Ред. Василий Саблин. Вологда: Вологодский государственный университет, 2016, с. 30-36.

²² Эссе Цвейга сразу было переведено с немецкого на английский, голландский, французский языки и получило широкий отклик в печати: в 1936–1937 гг. только в англоязычной периодике вышло 16 статей об этом очерке. См.: Миримов, Лев. Комментарии // Цвейг, Стефан. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского; Совесть против насилия: Каstellio против Кальвина; Монтень. Санкт-Петербург: Бельведер, 2001, с. 550.

²³ О «гиталитарной репутации» Кальвина, сложившейся благодаря эссе Цвейга, см., например: Cottret, Bernard. Calvin. Paris: Petite bibliothèque Payot, 1998, p. 12.

²⁴ Жером Эрме Бользек (?–1585) написал во многом оскорбительную и порочащую биографию Кальвина: Bolsec, Jérôme-Hermès. Histoire de la vie, moeurs, actes, doctrine et mort de Jean Calvin. Lyon, 1577.